

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

А. И. КУЗНЕЦОВА

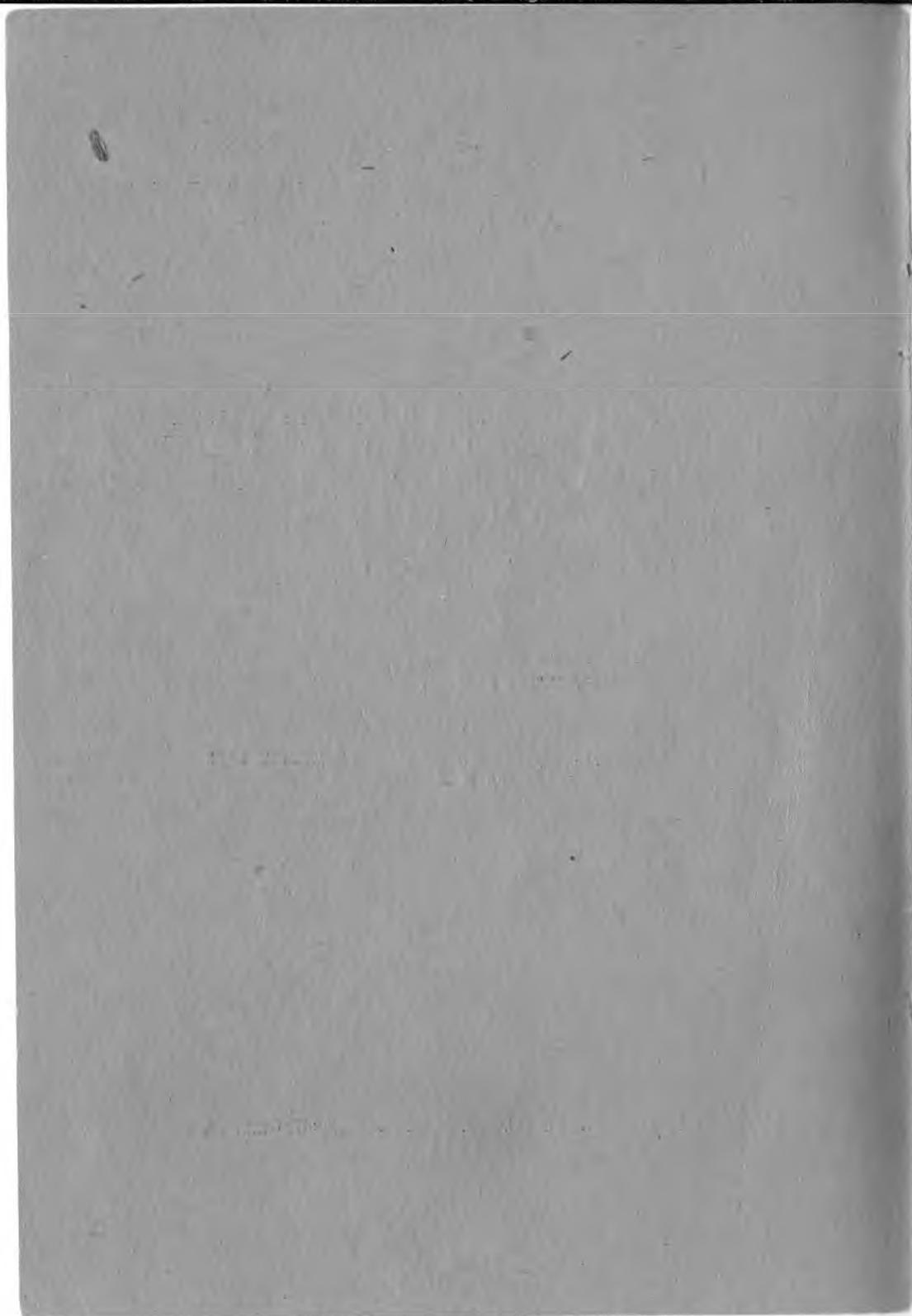
СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ
ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
(с XI по XX в.).

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель — доктор филологических наук
профессор В. А. Звегинцев

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1963

Понятие системы языка, подход к языковым явлениям как элементам сложной структуры, вырабатывается в современном языкознании уже в начале XX в. Под «системой» обычно понимается взаимосвязь и взаимодействие между рядом явлений одного порядка (причем необходимо помнить, что установление взаимоотношений между различными элементами, т. е. определение языковой системы возможно лишь при учете этих элементов, ибо без них немислимо в языке и само отношение). Термин «система» употребляется также в смысле связанного целого, образованного взаимоподчинением и согласованностью составляющих его элементов. Наряду с термином «система» широко распространен термин «структура», при этом оба термина чаще всего употребляются как синонимы, подменяя друг друга; иногда понятие «система» трактуется как «горизонтальный срез по ярусу», в то время как «структура» расценивается как «результат вертикального анализа языка от периферии вглубь» (точка зрения А. А. Реформатского); нередко понятие «система» выступает как частное понятие по отношению к понятию «структура», под которым понимается совокупность всех частных систем, где каждая единица связана определенными, обязательными отношениями с другими элементами той же системы, иначе структура есть система систем языка (это, конечно, не значит, что язык в целом представляет собой лишь арифметическую сумму систем).

Система языка не есть система «вообще»; данное понятие требует уточнения и расчленения, в зависимости от того, к каким аспектам языка или разным языкам оно применимо.

Системный характер языка выявляется в различных его частях — в фонетике, грамматическом строе, в словообразовании, в лексическом составе и т. д., т. е. существуют системы фонологическая, грамматическая, лексическая и пр.

Попытки установить семантическую систему языка, которая в свою очередь обнимает множество более мелких систем, связанных друг с другом как непосредственно, так и

опосредствованно, являются проявлением общей тенденции современного языкознания. Однако до сих пор эти попытки¹ остаются малоуспешными в силу объективной сложности изучаемого явления. Вместе с тем, каждая из них приносит определенную пользу, дает нечто новое в разработке проблемы семантической системы.

* *

*

В реферируемой работе в качестве частной семантической системы языка рассматривается такая группа слов, в которой члены объединены на основе общего понятия, наличествующего в каждом слове данной группы. Для изучения системных отношений слов в подобных группах не подходят атомистические методы исследования. В последние годы множатся попытки найти новую базу для дальнейшего научного исследования в области семасиологии. Настоящая работа как раз и представляет собой такого рода попытку. В ней ведутся поиски новых методов, которые можно было бы успешно использовать в семасиологии, в частности делается попытка применить к обработке лексического материала метод дистрибуции.

Понятие дистрибуции возникло первоначально в области фонологии, но затем принцип дистрибуции стал универсализироваться, переноситься в другие языковые планы. При всей плодотворности фонологического опыта нельзя автоматически прилагать фонологические критерии к грамматическим или лексическим элементам. Вполне понятно поэтому, что использование метода дистрибуции в области семасиологии имеет свои особенности. Под дистрибуцией обычно понимается совокупность контекстов или окружений, в которых данный элемент может встречаться, в отличие от окружений, в которых данный элемент встречаться не может. Применяя дистрибутивный метод в семасиологии, автор работы устанавливает структурные модели, т. е. синтаксическую связь стержневого слова, его детерминатива и конкретизатора (конкретизатором в работе называется компонент окружения, уточняющий связь стержневого слова и детерминатива). Такая конструк-

¹ Понятие системы в лексикологии и семасиологии в значительной мере росло и развивалось вместе с так называемой теорией семантического поля, охватывающей своим названием часто диаметрально противоположные явления. Рассмотрению этих теорий посвящена I глава диссертации.

ция детерминирует значение² исследуемого слова, реализуемое в лексико-семантических вариантах, под которыми понимается потенциальная способность слов сочетаться с другими словами определенным образом. Подобная сочетаемость — явление сугубо синхронное. Кроме того, она обладает свойством воспроизводимости, которое и позволяет идентифицировать лексико-семантические варианты. Метод дистрибуции позволяет разграничить лексико-семантические варианты многозначных слов, хотя в отдельных случаях не является безупречным и абсолютно надежным.

В реферируемой работе лексико-семантические варианты различных слов в одной лексической группе считаются взаимосвязанными, общими, если эти слова имеют одинаковую дистрибуцию. При анализе семантической системы той или иной группы слов выявляются общие лексико-семантические варианты членов группы и тем самым фиксируется взаимосвязь и взаимообусловленность всех элементов системы. Этот метод, дополненный для современного состояния языка методом субституции и трансформационного анализа, в сочетании с традиционным методом, ориентирующимся на контекст, вносит в исследование элемент объективности и способствует более точному изучению семантической структуры языка.

* *
*

Метод дистрибуции в диссертации применен к анализу лексико-семантической группы глаголов движения русского языка.

На выбор группы глаголов движения в качестве объекта (предмета) исследования повлияли следующие соображения: 1) в основе этой группы слов лежит жизненно-необходимое понятие, которое существовало на протяжении всей истории общества и которое получило свое закрепление в семантической системе данных глаголов; 2) корни взятых глаголов движения, имеющие древнюю этимологию, дали языку многочисленные новые лексические центры со сложной цепью словопроизводства. Все это говорит о важной роли группы гла-

---

² О факторах, обуславливающих возникновение лексического значения слова, и о самом лексическом значении в работе ничего не говорится; речь идет лишь о нормах функционирования лексического значения, выявляющегося в лексико-семантических вариантах. Обоснование этих понятий см. у В. А. Звегинцева в книге «Семасиология». Изд-во МГУ, М., 1957, стр. 122 и след.

голов движения в русском языке (кстати, так же обстоит дело и в других индоевропейских языках) и дает большой материал для изучения различных семантических процессов, происходящих в развитых смысловых структурах этих глаголов на протяжении их истории.

Основная задача настоящей работы сводится к такой семантической характеристике глаголов движения русского языка, которая позволила бы определить значимость («ценность») каждого слова, т. е. выяснить, в каком отношении оно находится к другим глаголам, обозначающим перемещение в пространстве, какова его роль и место в лексической группе глаголов движения, иначе говоря, рассмотреть группу глаголов движения как частную семантическую систему языка, изменяющуюся во времени.

Для решения этой проблемы необходимо: 1) установить в синхронном плане смысловые отношения внутри группы глаголов движения, пользуясь методом дистрибуции, и посмотреть, как они изменяются в ходе истории; 2) выяснить в диахронном плане, есть ли закономерности семантического развития слов одной лексической группы, а если есть, то в чем они заключаются.

Состав данной группы в русском языке не является твердо установленным. Даже для современного русского языка не существует единого подхода к выделению глаголов, объединяемых в группу глаголов движения. В диссертации прослеживается на протяжении XI—XX вв. судьба 26 глаголов движения и история их взаимоотношений. В исследуемую группу вошли лишь непроемкие непроходящие глаголы несовершенного вида (исключение — глаголы *шесть в о в а т ь* и *м и н о в а т ь*), означающие перемещение в пространстве по горизонтали, и стилистически нейтральные (за исключением глаголов *г р я с т и* и *шесть в о в а т ь*). Большую часть анализируемых слов составляют парные основы несовершенного вида.

Характеристика семантической системы взятых слов ограничена собранным материалом (около 12 000 примеров). Для удобства весь материал поделен на три периода: XI—XIV вв., XV—XVIII вв. и XIX—XX вв. Такое деление ценно лишь для практических целей и является абсолютно условным.

Материал и его распределение по 3 периодам обусловили построение работы. Во II главе на основе материала XI—XIV вв. анализируются смысловые связи слов внутри взятой группы. В III главе методика исследования несколько изменится, что вызвано: 1) соображениями удобства и простотой

изложения и 2) желанием проследить закономерности семантического развития для отдельных слов, а не только для всей группы в целом, в связи с чем и фиксируются все изменения, наметившиеся в семантической структуре отдельных глаголов движения. В IV главе сохраняется методика анализа III главы. Полученные результаты сравниваются с результатами не только III, но и II главы. В работе имеется 3 приложения — словники для всех 3 периодов.

* *
*

В I главе диссертации анализируется смысловая система глаголов движения русского языка в XI—XIV вв. При анализе древних семантических систем нельзя полагаться на интуицию, которая часто обманывает исследователя даже при изучении современного состояния языка, не говоря уже о древнем. Приходится во избежание слишком грубых ошибок, искажений обращаться к объективным методам, например к методу дистрибуции. В тех случаях, когда данный метод не помогает, можно пользоваться глоссами (если они сохранились). Применение метода дистрибуции к семантической системе глаголов движения в XI—XIV вв. вскрыло сложные смысловые структуры отдельных членов группы и не менее сложные отношения между ними.

Семантическим ядром группы глаголов движения в русском языке в период XI—XIV вв. были коррелятивные глаголы *йти* и *ходить*, обладавшие наибольшим количеством наиболее употребительных лексико-семантических вариантов.

Глаголы *йти*—*ходить* в рассматриваемый период могли обозначать 1) движение вообще, независимо от того, какими средствами оно совершается, — *пеше*, *конно*, *по воде*, *по земле* или даже *по воздуху*; 2) конкретное движение по земле с помощью ног, *пешком* (причем глагол *ходить*, как и большинство других неопределенных основ, выражает умение, физическую способность совершения движения); 3) движение следом за кем-либо в буквальном, конкретном смысле, а также в отвлеченном плане: «следовать, сопутствовать кому-либо в чем-либо, т. е. поступать подобно кому-либо, подражать» и «следовать каким-либо правилам, велениям, т. е. руководствоваться чем-либо в своем поведении, повиноваться, подчиняться чему-либо».

В остальных лексико-семантических вариантах глаголов

ити — ходити или совершенно отсутствует идея передвижения в пространстве, или связь с ней уже с трудом ощутима.

Таков лексико-семантический вариант «жить по каким-либо правилам, пребывать в каком-либо состоянии», чаще встречаемый у глагола *ходити*, реже — у *ити*.

Помимо этих четырех лексико-семантических вариантов, общих определенной и неопределенной основам (разумеется, существуют некоторые различия, проистекающие из грамматических особенностей самих основ), у глаголов *ити* и *ходити* есть индивидуальные лексико-семантические варианты. Так, глагол *ходити*, в отличие от *ити*, мог означать: 1) «быть одетым во что-нибудь, носить одежду»; 2) «распространяться, получить широкое хождение (о слухах, славе, болезни...)»; 3) «работать каким-либо орудием где-либо» (последний вариант является по сути дела уже фиксированным, т. е. фразеологизмом; это выражения типа: куда моя рука (топор, коса, плуг...) ходила и некоторые другие.

Глагол *ити* употреблялся: 1) в смысле «падать» (в применении к осадкам «лечь»); 2) «литься, струиться (о жидкости)»; 3) «тянуться, иметь протяженность (о линиях, дорогах...)»; 4) «исходить от чего-либо, подниматься с поверхности чего-либо (о паре, дыме)»; 5) «даваться, выдаваться, поступать в чье-либо распоряжение (о дарах, вещах, продуктах питания...)» и, наконец, 6) «сочетаться законным браком, выходить замуж (о женщинах)». Данный вариант, как и вариант глагола *ходити* («работать каким-либо орудием»), является фактически фиксированным.

Определение всех перечисленных вариантов происходило с учетом распределения взятых слов, т. е. их сочетаемости с другими словами — детерминативами и так называемыми конкретизаторами. Например, структурная модель: «Человек+глагол *ходити*+М. п. сущ., означающего название одежды», — реализует вариант «быть одетым во что-либо, носить одежду», а модель: «Человек+глаголы *ити* — *ходити*+выражение въ следъ (по следу) кого-либо» соответствует варианту «следовать» (как в конкретном, так и в отвлеченном плане) и т. д.

Глаголы *ити* — *ходити*, тесно связанные между собой за счет общих лексико-семантических вариантов, обладали, как мы видим, в XI—XIV вв. развернутой семантической системой, что ставило их в центр всей группы глаголов движения.

Вокруг центральной пары группировалось множество глаголов движения, у которых складывались различные смысло-

вые отношения друг с другом и с коррелятами и ти — ходити. Эти отношения можно подразделить на несколько типов.

I тип смысловых отношений представляет собой такой тип семантической связи, при которой система лексико-семантических вариантов ряда слов полностью входит в систему глаголов и ти — ходити, т. е. глаголы этой группы, старославянизмы грядсти и шествовати, не имели вариантов, которые отсутствовали бы у глаголов и ти или ходити. В количественном отношении семантическая система грядсти и шествовати значительно уже, чем у глаголов и ти — ходити, тем не менее грядсти и шествовати существовали в языке наряду с центральными глаголами благодаря своим грамматическим особенностям (глагол грядсти) и стилистической окраске, которая была у них как у слов старославянских.

II тип смысловых отношений слов есть такой тип частичного смыслового перекрытия нескольких глаголов движения, когда у исследуемых глаголов при наличии ряда общих с глаголами и ти — ходити вариантов существуют и самостоятельные варианты, отсутствующие у коррелятов и ти — ходити (устанавливаются они, как и варианты центральной пары, с помощью структурных моделей). Подобный вид связи является непосредственным и двусторонним, обратимым. Хорошим подтверждением этому служат замены в разных редакциях того или иного памятника одного глагола на другой, обычно в варианте «двигаться вообще». Так, глагол и ти мог заменяться на ехати, ходити — на ездити, и наоборот (например: «...хоцю и ти (Ак., Толст. сп. — ехати) къ Цесарю Батыю». Новг. I л., Ком. сп., 6753, л. 168 об., стр. 299; Ездиша (Ак., Толст. сп. — ходиша) из Новагорода люди молодын на Волгу. Т. ж., 6874, л. 220 об., стр. 369); вместо глагола лезти мог стоять и ти (И рече Святополкъ: «поседита вы сде, а язъ лезу (Хлеби. сп. — иду), наряжу» ... Лавр., 6605, л. 87 об., стр. 259); глаголы течи и даже бежати могли также взаимозамещаться с и ти; аналогичны замены в отдельных вариантах глаголов плавати и блудити, летети и парити, течи и ристати и т. д.

Однако иногда непосредственная связь нескольких глаголов могла быть не двусторонней, обратимой, как у глаголов ступати, лезти — лазити, течи, бежати — бежати, ехати — ездити и миновати с глаголами и ти — ходити, а односторонней, необратимой. Такого рода отношения выделены в III тип смысловых связей гла-

голов движения. Сюда входят глаголы плути — плавати, летети — летати и парити, отдельные лексико-семантические варианты которых могли быть переданы глаголами ити — ходити, означавшими общее движение, но которые сами не могли ни в одном из вариантов заместить глаголы ити — ходити.

Тремя разновидностями непосредственных связей слов охвачены далеко не все анализируемые глаголы движения. Значительная их часть вместо прямых связей с коррелятами ити — ходити имеет лишь косвенные, опосредствованные смысловые отношения с центральными глаголами (IV тип смысловых связей слов). Глаголы скакати, пълзти, полозити, пълзати, блудити, старославянизмы блуждати, ристати //рискати обладали лексико-семантическими вариантами, общими со специфичными вариантами глаголов II и III групп, но не имели сходных (общих) вариантов с глаголами ити — ходити. Связь с центральной парой у них могла быть через один, два и более глаголов II и III групп. Естественно, что чем дальше в цепи глаголов отстояло слово от глаголов ити — ходити, тем слабее была связь его с центральной парой, тем легче могла она порваться. Само собой разумеется, что данный тип связи, установленный для глаголов ити — ходити по отношению к глаголам-посредникам, непосредственно с ним связанным, является одним из трех типов прямых семантических отношений слов (анализу смысловых взаимоотношений глаголов движения безотносительно к паре ити — ходити посвящен 3-й раздел II главы реферируемой диссертации).

Наконец, в рассматриваемой группе глаголов движения наличествуют слова, не имеющие никаких общих вариантов ни с одним глаголом движения, но входящие все-таки в эту группу — группу глаголов движения —, так как в их основе лежит понятие передвижение в пространстве. Это глаголы прямити, брести — бродити. Малое количество материала на последние глаголы затрудняет выведение их структурной модели. Лексико-семантический вариант в подобных случаях (аналогичное положение было с отдельными вариантами глаголов скакати, бежати — бегати и рискати //ристати) можно определить с помощью параллелей из других языков — греческого и латинского. Однако в целом установление семантической системы глаголов движения оказалось возможным на основе тех сходных окружений, в которых могло встречаться несколько разных глаголов движения.

В XI—XIV вв., таким образом, благодаря обильным непосредственным связям и разнообразным опосредствованиям образовалась развернутая сеть глаголов движения, система взаимодействий их в отношении центральных глаголов и т и — х о д и т и и относительно друг друга.

* *

*

Лексический состав группы глаголов движения в течение XV—XVIII вв. сильно изменился за счет множества заимствований, пришедших в русский язык, особенно в эпоху Петра I. Тем не менее в III главе анализировались смысловые отношения слов внутри прежней группы, уже исследованной в I-й период.

Все глаголы движения рассматриваемой группы в XV—XVIII вв. претерпели большие или меньшие изменения в своих лексико-семантических вариантах.

В зависимости от характера этих изменений глаголы могут быть распределены по двум группам.

В I группу входят глаголы, у которых сохранились все старые лексико-семантические варианты, т. е. варианты XI—XIV вв., и появились новые, дополнившие, обогатившие их смысловую систему. Это глаголы бежать—бегать, блудить, (блуждать), брести—бродить, ползти—ползать (глагол полозити почти вышел из употребления к этому времени; старославянизм плезти встречается редко и обычно в религиозной литературе), лезть—лазить, ехать—ездить, лететь—летать и парить. Часть из них развивалась очень медленно, вяло и приобрела за весь период XV—XVIII вв. лишь один—два новых лексико-семантических варианта (блудить, ползти—ползать). Наоборот, в глаголах брести—бродить произошел стремительный, бурный рост новых лексико-семантических вариантов.

Чрезвычайно интересным фактом является возникновение в данный период у ряда анализируемых глаголов переходных вариантов. Так, глагол блудить в этот период употребляется как переходный глагол, означая «заводить не туда, куда следует». Причиной появления транзитивности в данном случае является использование глагола в качестве каузативного. Та же причина действовала, очевидно, и при возникновении переходного варианта «возить» у глагола ездить, в то время как у глаголов лезть—лазить и брести—бродить категория переходности сложилась в результате по-

глагола, т. е. в результате замены косвенного предложного дополнения прямым беспредложным в варианте «переходить реку в брод».

Во всех коррелятивных глагольных парах отмечается дальнейшее смысловое расхождение определенной и неопределенной основ, которые получают все большее самостоятельное развитие.

II группу составляют глаголы, не только получившие в ходе своего развития ряд новых лексико-семантических вариантов, но и потерявшие часть прежних. Это глаголы идти — ходить, течь, плыть — плавать, ступать, скакать, миновать, старославянизмы грясти, шествовать, ристать и русское рыскать.

В глаголах обеих групп могло происходить окончательное расщепление отдельных лексико-семантических вариантов, намечившееся в I период, на два и более самостоятельных варианта (это касается прежде всего варианта общего движения).

В связи с многочисленными изменениями в лексико-семантических вариантах, которые произошли почти во всех глаголах движения в XV—XVIII вв. и которые анализировались в I разделе III главы диссертации, естественно, нарушились и смысловые взаимоотношения слов в данной группе. Типы связи сами по себе остались те же, но они могли охватывать уже другие глаголы. Это обусловлено перегруппировкой в словах группы их лексико-семантических вариантов, которая часто носит закономерный характер.

Регулярность семантических процессов одними лингвистами отрицается (М. Бреаль, Л. Шпитцер, Г. Шухардт), другими — принимается с оговорками (О. Есперсен, Е. Велландер), третьими — энергично отстаивается (М. Покровский). Закономерные изменения в семантике слов обусловлены той лексической группой, к которой они относятся. Лингвистические факторы (некоторые из них указывались А. Мейе, Г. Стерном и другими лингвистами), вызывающие семантические изменения глаголов, являются наиболее существенными, тем более, что непосредственное влияние внеязыковых причин на развитие лексического значения глагола прослеживается менее четко, чем их воздействие на семантику существительного. В настоящей работе в качестве основной (но не единственной) причины смыслового изменения учитывается прежде всего взаимное семантическое влияние членов одной лексической группы друг на друга.

Исторические изменения в семантике можно свести к двум

основным видам. Один тип изменений происходит в результате семантической аттракции (притяжения). Заключается он в развитии цепочкой сходных вариантов у разных слов, т. е. происходит в силу семантической аналогии, рассматриваемой некоторыми лингвистами, например, С. Крёшем, в качестве основной причины семантических изменений.

Так, если появляется новый лексико-семантический вариант у одного глагола, то такой же вариант нередко возникает и у другого глагола (обычно тесно с ним связанного), в результате чего можно говорить о вновь образовавшихся общих для двух глаголов лексико-семантических вариантах; и наоборот, исчезновение у одного из глаголов какого-либо варианта иногда влечет за собой утрату сходного лексико-семантического варианта у другого глагола движения, имевшего аналогичный вариант. При этом часто бывает трудно определить временную последовательность появления того или иного варианта у все новых глаголов. Иногда распространение вариантов цепочкой от одного глагола к другому происходит для нескольких слов одновременно. В таком случае приходится лишь констатировать взаимосвязанность одним вариантом нескольких слов, возникшую в конкретную историческую эпоху в результате развития цепочкой.

Так, в I период отмечалось, что глаголы *плавати*, *блудити*, *бырати* связывались в один ряд общим вариантом «скитаться, странствовать, переходить с места на место». В XV в. данный вариант передался и глаголу *бродити*, у которого в XI—XIV вв. не было никаких сходных с другими глаголами движения вариантов. Накопление общих с остальными словами группы лексико-семантических вариантов у глаголов *брести*—*бродити* во II период шло очень интенсивно. В частности, они стали означать «медленно двигаться пешком по земле (часто — с трудом)», развив этот вариант под влиянием глаголов *идти*—*ходити*, *ступати*. Коррелят *брести* приобрел под влиянием глаголов *бежати*—*бегати* вариант «убегать, уходить». Вместе с тем глаголы *брести*—*бродити* не только формировали собственные варианты по аналогии с окружающими глаголами движения, но и сами влияли на другие глаголы группы. Так, под воздействием глаголов *брести*—*бродити* у глаголов *лезти*—*лазити* сложился во II период вариант «переходить реку в брод», которого они не имели в I период, и т. д.

Тип цепного развития сходных лексико-семантических вариантов сразу у нескольких глаголов движения является

наиболее законченным, продуктивным и широким по охвату слов типом смыслового изменения.

Помимо этого вида семантических изменений глаголы движения могли подвергаться и некоторым другим закономерностям историко-семасиологического развития слов, основанным на семантическом отталкивании и подразделяемым нами в свою очередь на два вида.

Смысловые сдвиги в глаголах движения происходят, например, по типу так называемой «передачи эстафеты», когда один глагол теряет какой-либо лексико-семантический вариант, а другой, связанный с некоторыми общими вариантами, подхватывает его. Причем, период сосуществования глагола, теряющего свой вариант, с глаголом, воспринимающим его, обычно не поддается учету (можно сказать, отсутствует совсем), хотя вполне вероятно, что сначала происходит распространение варианта с одного глагола на другой цепочкой, а затем первый элемент этой цепочки исчезает, очень малый срок просуществовав одновременно с глаголом, воспринимающим новый вариант. В этом случае ничего принципиально нового по сравнению с развитием цепочкой нет. Однако в отличие от развития цепочкой, когда глаголы со сходным вариантом могут долгое время быть в языке одновременно, данный случай стоит выделить в особую категорию.

Примером развития по типу «передача эстафеты» может служить история взаимодействия глаголов *течь*, *рискать*, с одной стороны, и *шесть*, с другой. Глаголы *течи* и *рискати* в I период имели сходный лексико-семантический вариант «стремиться к чему-либо», который исчез у них ко II периоду, но был подхвачен в XV—XVIII вв. глаголом *шесть*.

Данный тип семантических изменений является малораспространенным, непродуктивным типом.

Не очень активен и следующий, третий тип изменений лексико-семантических вариантов глаголов движения, также являющийся результатом семантического отталкивания. Изменения этого вида могли происходить в результате борьбы нескольких глаголов за право обладать тем или иным вариантом, борьбы, которая ведет обычно к передаче одним глаголом другому того или иного варианта, т. е. какой-то промежуток времени один и тот же вариант сосуществует у обоих глаголов, а потом исчезает у одного из них. Естественно, что этот тип изменений взаимосвязан с двумя предыдущими, составляя часть каждого из них. Однако проследить подобного рода борьбу за существование можно лишь на

единичных примерах. Так, острая борьба развернулась во II период между глаголами идти и ходить за варианты «употребляться, использоваться на что-либо», «тянуться (о линиях)» и «литься, струиться (о жидкостях)», окончательный исход которой мы видим лишь в XIX в.: все три варианта целиком переходят к определенному корреляту. Наоборот, бывший в I период у обоих глаголов вариант «жить» остается ко II периоду за глаголом ходить. Приблизительно в XVII в. наблюдается оживление глагола ходить в варианте «вступать в брак», более свойственном глаголу идти; но уже в XVIII в. этот вариант, превратившись окончательно в фиксированный, становится индивидуальным для глагола идти и т. д.

В результате всех этих разнообразных изменений закономерного характера у коррелятов идти — ходить в нескольких случаях установились новые прямые связи с глаголами, которые в I период лишь косвенно сближались с центральной парой (например, брести — бродить, скакать). Без особых изменений сохранились связи у пары идти — ходить с глаголами ехать — ездить. Для всех остальных глаголов наметились те или иные изменения в характере их семантических отношений с глаголами идти — ходить благодаря переменам, произошедшим в их лексико-семантических вариантах, которые подробно рассматриваются во 2 и 3 разделах III главы диссертации (например, во II группу перешли из I глаголы шествовать, из III — лететь — летать, плыть — плавать, из IV — скакать и ристать (рыскать) и т. д.).

Сильно изменились во II период смысловые взаимодействия глаголов движения, рассмотренные не только с точки зрения их отношений к центральному глаголам, но и безотносительно к коррелятам идти — ходить. В результате изменений в лексико-семантических вариантах трансформировалось распределение по типам связи большинства глаголов движения. Наиболее активным в XV—XVIII вв. стал II тип связи благодаря тому, что многие глаголы подчинились закономерности развития цепочкой сходных лексико-семантических вариантов.

В XV—XVIII вв. вне смысловой связи с глаголами движения, но в числе имеющих связь по понятию в пределах анализируемой группы можно назвать такие глаголы, как дыбать и переть, которые растеряли свои смысловые связи, хотя понятие движения ещё осталось в его едва ли не единственном лексико-семантическом варианте «двигаться куда-

нибудь с силой, напролом». Глаголы прямить и смык ать (с я), утратившие и смысловые связи, и связи по понятию с группой глаголов движения, ушли в другие лексические группы.

* *
*

В I разделе IV главы диссертации анализировалась семантика отдельных глаголов движения XIX—XX вв. сравнительно с предшествующим периодом. Все рассматриваемые глаголы изменили свой семантический объем — одни в большей, другие в меньшей мере. С точки зрения характера этих внутренних превращений анализируемые слова можно разбить на три группы.

В I группу входят глаголы, семантическая емкость которых либо значительно уменьшилась (по сравнению со II, а часто и I периодом) за счет того, что часть прежних лексико-семантических вариантов утратилась, а новых не прибавилось совсем (глаголы *грясти*, *шестьствовать*, *ристать*, превратившиеся в архаизмы в современном русском языке), либо сохранилась такой же, какой была во II период (глаголы *миновать*, *ступать*).

2 группа (глаголы *лететь—летать*, *бежать—бегать*, *блуждать*, *парить* и *рыскать*) диаметрально противоположна первой. Слова этой группы увеличили свой семантический диапазон благодаря тому, что получили ряд новых лексико-семантических вариантов, сохранив все старые, тогда как глаголы только что перечисленные, наоборот, не приобрели ни одного нового варианта в III период, растеряв (в 3 случаях из 5) часть прежних. Причем, глаголы *грясти* и *шестьствовать* сузили свой смысловой объем как в отношении II периода, так и по отношению к своей первоначальной семантической системе XI—XIV вв.; глаголы 2 группы увеличили свою семантическую емкость сравнительно и с I, и со II периодами. Однако если для глаголов I группы были моменты, когда глаголы (например, *грясти* и *шестьствовать*) не только теряли старые, но и приобретали новые варианты, то у глаголов 2 группы за всю их историю ни разу не исчезали прежние варианты, а только прибавлялись новые. Следовательно, системы лексико-семантических вариантов глаголов *лететь—летать*, *бежать—бегать*, *блуждать*, *парить* в количественном отношении представляют собой смысловые системы XV—XVIII вв., обрастающие новыми вариантами в III пе-

риод (правда, в старых лексико-семантических вариантах, перешедших в XIX—XX вв. из предыдущих эпох, иногда можно отметить некоторые видоизменения).

Все остальные глаголы входят в самую большую группу. Их объединяет сходство исторических изменений, т. е. все они в III период не только либо теряют (как часть глаголов I группы), либо приобретают (как глаголы 2 группы) лексико-семантические варианты, но одновременно и утрачивают старые, и получают новые. При этом часть старых вариантов передается обновленной смысловой системе глаголов, т. е. переходит без изменений в XIX—XX вв. Под «старыми» вариантами для периода XIX—XX вв. понимаются уцелевшие варианты, сформировавшиеся как в I, так и во II периоды. Причем, в одних глаголах сохранились все варианты, сложившиеся в XI—XIV вв. (например, в глаголах ползти — ползать, скакать), и оказались потерянными некоторые варианты, приобретенные во II период; в других — пропали или сильно изменились отдельные варианты I и отдельные варианты II периодов (например, брести — бродить, течь, лезть — лазить) и т. д. В данную же группу включены некоторые глаголы (например, плыть), сохранившие все варианты II периода и развившие новые в III; однако, в отличие от слов 2 группы, которые непрерывно наращивали в ходе истории все новые варианты, эти глаголы во II период потеряли некоторые варианты XI—XIV вв., т. е. их развитие не было развитием по прямой, как и у членов I группы (в отличие от слов 2 группы).

Рассмотрение глаголов, у которых в XIX—XX вв. исчезли частично старые варианты и появились новые, приводит к некоторым любопытным выводам.

1. Прирост новых лексико-семантических вариантов преобладает над потерей старых, благодаря чему расширяется семантический диапазон этих слов.

2. Наиболее древние варианты оказываются более устойчивыми, чем приобретенные позднее. Те варианты I периода, которые были унаследованы в эпоху XV—XVIII вв., как правило, дошли и до XIX—XX вв. Лексико-семантические варианты, возникшие позже, т. е. в XV—XVIII вв. менее стойкие: их исчезло к XIX—XX вв. большее количество, чем вариантов I периода (имеются в виду варианты, которые из I эпохи перешли во II, а не те, которые были потеряны на рубеже 2-х первых периодов). Кроме того, исчезли все транзитивные варианты, наметившиеся у ряда глаголов (за исключением варианта глагола м и н о в а т ь).

3. В современном русском литературном языке сравнительно мало появляется новых вариантов, общих обеим основам. Возникающие лексико-семантические варианты являются, главным образом, специфичными вариантами одной из основ. Это ведет к дальнейшему расхождению коррелятов и постепенному распаду глагольной пары.

Особое положение занимают глаголы и дти — ходить, у которых во все периоды шло главным образом накопление лексико-семантических вариантов и интенсивное внутреннее перераспределение между коррелятами, а также переход отдельных вариантов в разряд фиксированных.

2-й и 3-й разделы IV главы посвящены анализу основных закономерных изменений в типах смысловых связей глаголов движения в XIX—XX вв., которые вызваны изменениями в семантике отдельных слов. Как и в III главе, речь идет об изменениях в характере смысловых взаимоотношений всех глаголов движения друг с другом и по отношению к паре и дти — ходить.

* *
*

Из любого практического исследования можно сделать немало наблюдений и выводов частного порядка. К их числу в данной работе можно отнести следующие, представляющие нам наиболее интересными.

1. Анализируемые глаголы движения в совокупности своей обладают большим количеством лексико-семантических вариантов, число которых растет от периода к периоду в геометрической прогрессии (29 — в I, 58 — во II, 106 — в III период. Количество же подробно анализируемых слов остается постоянным с XI по XX вв. — 26). Появление новых вариантов происходит параллельно с исчезновением старых, причем новых вариантов возникает больше, чем пропадает старых. Значительная часть всех лексико-семантических вариантов оказывается общей сразу для нескольких глаголов, употребляющихся в одной и той же структурной модели. Каждый из этих глаголов является своеобразным маленьким центром, в котором наблюдается семантическое сближение разных глаголов друг с другом. Вместе с тем от I к III периоду увеличивается число вариантов, специфичных для какого-либо одного глагола, отсутствующих у всех остальных слов группы (обычно это бывают вновь складывающиеся варианты).

2. Смысловая система глаголов движения в ходе исторического развития меняется не только количественно, но и качественно. Так, с веками растет число абстрактных лексико-семантических вариантов сравнительно с вариантами, выражающими конкретные формы движения; постоянно слегка варьируется сочетаемость глагола с другими словами в пределах одного варианта; между различными глаголами группы происходит перегруппировка имеющихся лексико-семантических вариантов и т. д.

3. Близость глаголов в отдельных лексико-семантических вариантах может быть настолько велика (особенно в I период и преимущественно в варианте общего движения), что встречаются замены одного глагола на другой в идентичных контекстах (в различных редакциях древнерусских памятников были возможны, например, замены в отдельных вариантах глагола ити на ехати, лезти, течи, даже бежати и обратные; глагола плавати — на блудити, течи — на ристати и т. п.). В дальнейшем эта близость уменьшалась и в XIX—XX вв., несмотря на наличие одной модели для разных глаголов, мы подчас ощущаем едва уловимые оттенки в том или ином варианте у разных глаголов движения, чувствуем такие различия, которые не поддаются формализованному описанию.

4. Большую часть исследуемых глаголов движения составляют парные основы (определенная и неопределенная) несовершенного вида, которые в I период семантически сравнительно мало (за исключением глаголов ити — ходити) отличались друг от друга. Во II период едва наметившееся в XI—XIV вв. расхождение коррелятов усилилось; индивидуальных для каждой основы вариантов было приблизительно равное количество. В III период сильно возросло число специфичных вариантов у определенных основ (исключение — глаголы ездить и бродить). С уменьшением семантической соотносимости постепенно может исчезнуть и грамматическая корреляция глаголов движения.

5. Интересным моментом в семантической судьбе глаголов движения можно считать появление во II период нескольких транзитивных лексико-семантических вариантов у отдельных слов группы, которые исчезли к началу III периода.

Помимо перечисленных практических результатов анализа смысловой системы глаголов движения русского языка в заключении работы речь идет о нескольких теоретических вопросах, о трех ключевых моментах диссертации — о понятии семантической системы, о методах ее исследования и зако-

номерностях исторических изменений смысловой структуры отдельных слов и всей семантической системы в целом.

I. В настоящей работе была сделана попытка представить лексико-семантическую группу глаголов движения как частную семантическую систему русского языка. Системность проявляется в наличии у нескольких слов группы сходных лексико-семантических вариантов, что зависит от употребления разных глаголов группы в одинаковых окружениях. Причем не только глаголы, передающие одно понятие, встречаются в силу этого в сходных окружениях, но и наоборот, различные слова могут войти в одну лексическую группу или перебросить мост к другим лексическим системам языка, если несколько разных глаголов начинают употребляться в сходных окружениях. Все слова группы глаголов движения, таким образом, рассматривались в их взаимосвязи и взаимодействии, т. е. анализировались смысловые отношения членов группы.

Взаимоотношения между членами одной семантической системы группируются в несколько типов. Смысловые связи могут быть опосредствованные и непосредственные. Последние подразделяются на 1) необратимую (одностороннюю) связь, при которой один глагол может употребляться в лексико-семантическом варианте другого глагола, в то время как этот другой глагол не обладает ни одним вариантом первого слова; 2) обратимую (двустороннюю) связь или с поглощением семантически одного глагола другим, или без поглощения, когда у каждого из вступивших в связь слов наряду с общими, сходными есть и свои специфические лексико-семантические варианты.

Взаимозависимость слов одной системы сказывается на семантике отдельных ее членов. Значимость (не значение!) каждого слова лексической системы в большой степени обуславливается, ограничивается и видоизменяется его соседями по группе.

II. Системность группы глаголов движения раскрывалась в данной работе с помощью дистрибутивного метода. Метод дистрибуции I) снимает многие двусмысленности при определении семантики слова, но вместе с тем он не является безупречным, как показал конкретный анализ в главах II—IV. Ему на помощь приходит метод субституции и трансформации, применимый, к сожалению, лишь для современного языка, поскольку при использовании последнего приходится обращаться к субъективной интуиции исследователя. Кроме

того, 2) дистрибутивный метод ведет к пересмотру понятия фразеологии и типов фразеологических единиц: так называемые «фразеологические сочетания» ничем принципиально не отличаются от «свободных и конструктивно-обусловленных значений» (по терминологии акад. В. В. Виноградова), так как все самые «свободные значения» различных слов имеют не безграничное количество окружений (контекстов), а характеризуются вполне определенными детерминативами и конкретизаторами, т. е. структурными моделями (причем детерминативы обычно подлежат обобщению в какой-либо тип, группу). К собственно фразеологии следует относить такие сочетания, в которых компоненты совершенно не имеют самостоятельности (это так называемые сращения, отчасти единства), а смысл приобретает все выражение в целом, не допуская никакой замены своих членов на другие слова (анализ таких оборотов был исключен из диссертации). 3). Рассмотрение различных компонентов структурной модели (детерминативов и конкретизаторов) при глаголах движения позволяет коснуться вопроса о семантических составляющих лексического значения (семантических множителях) взятых слов. Анализ детерминативов, например, показывает, что субъектом движения может быть все, что движется и может быть приведено в движение (живые существа, предметы, особенно средства передвижения), а в тех случаях, когда субъектом действия является абстрактное существительное типа мысль, взгляд и т. д., глагол движения, теряя свою специфику, выступает уже не как глагол, передающий движение в пространстве, а в некотором новом своем качестве. Темп движения в одних случаях передается конкретизатором (уточняется контекстом), в других случаях (например, глаголы ползти — ползать, скакать) входит в самую семантику слова, иначе является дифференциальным признаком значения или семантическим множителем.

Следовательно, при разложении на семантические множители исследуемых русских глаголов движения для большинства из них пришлось бы учитывать среди прочих компонентов субъект движения, темп движения, но не направленность движения, поскольку, как показало исследование глаголов движения русского языка на протяжении их письменной истории с XI и XX вв., их семантика не включает в себя понятия направленности движения и передает либо движение безотносительно к направлению, либо удаление и приближение (последние случаи различаются с помощью приставок или служебных слов), в то время как в некоторых

других языках семантика глаголов движения включает в себя и направленность движения.

III. Метод дистрибуции применим как к современному состоянию языка, так и к прошлым смысловым структурам. Исторические изменения смысловой системы глаголов движения были представлены, с одной стороны, как эволюция отдельных ее членов, с другой стороны, как процесс дискретный, как результат последовательного сопоставления трех синхронных срезов, трех синхронных систем.

Семантика слов на протяжении истории существования языка подвержена изменениям, поэтому сходные (одинаковые) лексико-семантические варианты могли возникать там, где их ранее не было, и, наоборот, могли разрушаться там, где они прежде существовали. Это в свою очередь ведет к изменениям типов смысловой связи слов: упрочиваются одни, исчезают или ослабевают другие смысловые отношения.

Изменения в семантике слов одной группы обусловлены всей группой в целом, носят закономерный характер. Их можно свести к двум основным видам: один тип изменений происходит в результате семантической аттракции (притяжения); это изменения по цепочке, в силу семантической аналогии; другой вид семантических изменений — результат семантического отталкивания; он происходит или при «добровольной» передаче какого-либо лексико-семантического варианта одного слова другому (т. е. отдельные лексико-семантические варианты исчезают у одних слов, будучи подхваченными другими; происходит своеобразная передача эстафеты), или в результате острой борьбы в двух словах двух одинаковых вариантов, в результате чего вариант сохраняется лишь у одного из них.

Характер развития разных слов различен: одни только наращивают новые лексико-семантические варианты, беспрерывно увеличивая свой семантический диапазон (бежать — бегать), другие только уменьшают его; подавляющее же большинство слов приобретает новые варианты наряду с утратой старых, причем в разные исторические периоды семантический объем слов меняется неравномерно: преобладает то появление новых вариантов, то преимущественная утрата старых.

Темп развития различных глаголов также различен в разные периоды; равномерность в наращивании новых или утрате старых лексико-семантических вариантов отсутствует. Возможны даже эпохи временного затухания и затем нового оживления прежних лексико-семантических вариантов.

В реферируемой работе мы ограничились рассмотрением смысловых взаимоотношений слов внутри лексической группы глаголов движения как в пределах одной эпохи, так и в диахронном плане. Однако в дальнейшем возможно проследить связь слов этой группы с членами иных лексических систем. Если же будет построена история многих лексических систем какого-либо одного языка, то можно будет говорить о создании диахронической семантики.

Основные положения диссертации изложены в статьях:

Некоторые закономерности изменения значений слов «Русский язык в школе», 1960, № 2, стр. 22—26.

О типах смысловых отношений в группе глаголов движения в древнерусском языке «Вестн. Моск. ун-та», сер. филология и журналистика, 1961, № 1, стр. 34—48.

Из истории семантического развития глаголов движения русского языка. «Этимологические исследования по русскому языку», 1962, вып. II, стр. 159—171.

Понятие семантической системы языка и методы ее исследования (из истории разработки данной проблемы в зарубежном языкознании). Изд-во МГУ, М., 1963, 58 стр. (брошюра).

Ср. также рецензии на книги:

Oksaag E. Semantische Studien in Sinnbereich der Schnelligkeit. Uppsala, 1958, 553 SS. «ВЯ», 1959, № 4, стр. 126—128.

Ducháček O. Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960, 215 pp. «Вестник МГУ», 1962, № 1, сер. филология и журналистика, стр. 89—92 (в соавторстве с В. А. Звегинцевым).

